

Давид Вейнланд

Руламан

Давид Вейнланд

Руламан

«Public Domain»

1878

Вейнланд Д. Ф.

Руламан / Д. Ф. Вейнланд — «Public Domain», 1878

«Это было много-много лет тому назад, когда в Германии, среди дикой природы, пещерный человек вел непрерывную, ожесточенную борьбу с хищными зверями. В это отдаленное время, в летний зной, на освещенной солнцем площадке, перед одной из пещер теперешних Швабских гор, играли на мягкой траве голые, темно-желтые дети. Один из мальчиков ездил верхом на медвежонке, подгоняя его сосновой веткой, а другой тянул животное за шею; немного подалее около ручного волка сидел четырнадцатилетний мальчик и гладил зверя по спине, а волк добродушно лизал ему лицо. Среди темно-зеленых игл тиса, на сером фоне выжженных солнцем скал, играло несколько таких же смуглых мальчиков. Один из них, забравшись чуть ли не на верхушку дерева, бросался оттуда с вытянутыми вперед руками на одну из растущих внизу веток, и так, прыгая с ветки на ветку, достигал земли и скрывался с веселым смехом в пещере...»

© Вейнланд Д. Ф., 1878

© Public Domain, 1878

Содержание

Глава 1. Перед пещерой	5
Глава 2. Возвращение с охоты	7
Глава 3. В пещере Тулька	9
Глава 4. Первая охота Руламана	11
Глава 5. Битва с пещерным львом	13
Глава 6. Ангеко и пещера Гука	15
Глава 7. Ночь в первобытном лесу	17
Глава 8. Пещерный медведь	19
Глава 9. Богатая добыча	21
Глава 10. Праздник буррии	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Давид Вейнланд

Руламан

Глава 1. Перед пещерой

Это было много-много лет тому назад, когда в Германии, среди дикой природы, пещерный человек вел непрерывную, ожесточенную борьбу с хищными зверями.

В это отдаленное время, в летний зной, на освещенной солнцем площадке, перед одной из пещер теперешних Швабских гор, играли на мягкой траве голые, темно-желтые дети. Один из мальчиков ездил верхом на медвежонке, подгоняя его сосновой веткой, а другой тянул животное за шею; немного подалее около ручного волка сидел четырнадцатилетний мальчик и гладил зверя по спине, а волк добродушно лизал ему лицо. Среди темно-зеленых игл тиса, на сером фоне выжженных солнцем скал, играло несколько таких же смуглых мальчиков. Один из них, забравшись чуть ли не на верхушку дерева, бросался оттуда с вытянутыми вперед руками на одну из растущих внизу веток, и так, прыгая с ветки на ветку, достигал земли и скрывался с веселым смехом в пещере.

Через несколько минут дети выбежали из пещеры с пращами в руках. Они подбежали к толстому корявому дубу, росшему против тиса, слева от входа в пещеру, и стали метать из пращей круглые камни, собранные в долине, величиной в добрый детский кулак. Целью им служили висевшие на ветвях дуба украшения: огромный череп пещерного медведя с оскаленными зубами, убитый филин, ястреб, дикая кошка с пушистым, толстым хвостом, лисица и много других охотничьих трофеев.

Почти никто из мальчиков не промахнулся, и если случалось, что какой-нибудь камень, к досаде стрелявшего, жужжа пролетал мимо цели и падал в долину, кругом раздавался громкий смех. Вблизи мальчиков маленькие девочки играли с ручным оленем, и их веселый крик слышался со всех сторон.

Недалеко от детей большой черный ворон и галка важно прохаживались по площадке, собирая камешки, черепки и попадавшиеся кости. У самой пещеры сидели, поджавши ноги, женщины вокруг большой кучи пепла, по которой иногда пробегал красный огонь; над этой кучей возвышался на четырех столбах простой плетеный навес для защиты от дождя. Лица женщин были желтого цвета с расставленными вкось черными полузакрытыми глазами. Их черные волосы, связанные узлами, висели на спине. Одежда состояла из оленьей шкуры, достигавшей до колен и оставлявшей голыми руки и ноги. У некоторых на коленях лежали грудные дети. Женщины разговаривали, странно прищептывая, размахивая руками, и часто гримасничали.

Вдруг они разом замолчали; даже дети прекратили игру. Все обернулись к старому тису. Там появилась тяжело дышавшая старуха; она издавала глухие стоны. Наклоненная вперед голова ее была покрыта белыми как снег волосами, ниспадавшими густыми, спутанными прядями почти до земли. Ее морщинистые, коричневые руки опирались на костыли. Сморщенное худое лицо было бледно; подбородок выдавался вперед, а длинные седые брови висели над ввалившимися, почти закрытыми, глазами. На плечах старухи висела очень редкая шкура белого волка, что считалось особенным отличием. Это была старая Парра, прародительница всех собравшихся здесь людей. Медленно, ощупывая костылем каждый камень, она брела от пещеры к краю скалы. Там она подняла руку по направлению к заходящему солнцу и монотонно протяжно забормотала; женщины и дети поддержали ее, хлопая в ладоши. Это была их вечерняя молитва. Кончив ее, старуха возвратилась к тису, опустила на землю и свесила голову на грудь, как будто погрузившись в глубокое раздумье.

Оживление вернулось к маленькому населению пещеры. Площадку очистили и все сели в круг. Молодой человек лет восемнадцати принес странный инструмент, состоявший из куска выдолбленного дерева с круглой дырой посередине, затянутой кожей, и, обхватив его коленями, стал барабанить ладонями рук, выдерживая короткий, отрывистый такт. Другой молодой дикарь стал дуть в дудку, сделанную из полой кости с просверленными отверстиями, подчиняясь такту барабана. Женщины подхватили хором грустный однообразный мотив; старуха вторила им, ударяя в ладоши.

Из пещеры выскочил веселый мальчик с развевающимися волосами и стал в середину круга. Его короткая меховая куртка была перетянута поясом из веток тополя, голову обвивал плющ, а за ушами торчали два голубых пера сойки. Он держал лук и несколько стрел. Волк прыгнул рядом с ним в круг. Мальчик начал медленный танец; он топал ногами, высоко поднимая колени, выразительно потрясая в воздухе руками и оружием. Чем быстрее бил барабан, тем быстрее топал ногами молодой танцор. Кончив танец, он одним громадным прыжком вылетел из круга, перепрыгнув через головы двух девочек, испуганно согнувшихся перед ним. Волк последовал за ним.

– Молодец Руламан!.. – закричали восторженно дети.

После Руламана начали пляску три девочки в юбочках из перьев и с дубовыми ветками на груди.

Вдруг из долины раздался пронзительный свист. Все разом точно замерло...

Глава 2. Возвращение с охоты

Аймаатов, – так называли себя обитатели пещеры, что значило: люди, – охватило волнение. Как и у всех дикарей, живущих только охотой, у них постоянно чередовались голод и изобилие, опасности и неудачи с днями большой добычи и беззаботного веселья. Дикие звери встречались редко около их жилища, и для добывания пищи приходилось предпринимать отдаленные путешествия и с большим трудом тащить добычу домой. Свист возвещал о возвращении домой мужчин, ушедших на охоту несколько дней тому назад. Толпа женщин и детей, за исключением Парры, бросилась по широкой извилистой тропинке к ближайшему источнику. Источник этот почти круглый год доставлял пещерному человеку воду; только зимой, когда вода промерзала до дна, ему приходилось довольствоваться каплями, просачивавшимися сквозь потолок пещеры.

Уже стемнело. С горы нельзя было не только увидеть охотников, но даже услышать их шагов. Толпа женщин и детей остановилась у источника, стараясь не шуметь, чтобы не привлечь внимания хищных зверей. Этот первобытный народ слишком привык к постоянным опасностям, и о возможности ежеминутного нападения какого-нибудь свирепого хищника хорошо знали не только женщины, но и маленькие дети.

Молча и затаив дыхание, все устремили глаза в лесную чащу, по которой две тропинки вели в долину.

Руламан, подвижный, как белка, и быстрый, как олень, не выдержал и громко крикнул возвращающимся мужчинам:

– Рулаба! – это значило: Руль, мой отец!

– Руламан! – ответил ему снизу мужской голос.

Когда охотники подошли ближе, дети бросились им навстречу. Они столкнулись с ними недалеко от источника. Вернувшиеся мужчины были крепкого и плотного телосложения, одеты в короткие рубашки без рукавов из оленьей шкуры, затянутые поясами. Их жесткие, черные волосы выбивались из-под крупных меховых шапок.

Руль – предводитель племени, – отец Руламана, выделялся среди них своей белой волчьей шкурой, которая свободно спускалась с его могучих плеч.

На безбородых, потемневших от усталости лицах охотников виднелась и радость свидания с близкими и затаенная забота. Охотники, несмотря на то, что пять дней искали добычу и прошли через реку Норгу до Мамонтова озера, вернулись почти с пустыми руками: ни одного молодого оленя или лошади, ни одного молодого теленка буйвола, не говоря уже о мамонте, им не удалось убить. Вся добычу их составлял короб, наполненный щуками, лебедь, гусь да речная выдра. Этой пищи не могло хватить и на один день. Когда охотники подошли к пещере и сообщили старой Парре о неблагоприятном исходе охоты, она проворчала несколько слов и разразилась резким, насмешливым хохотом: она радовалась, что ее предсказание сбылось. Женщины быстро раздули огонь и, среди общей суеты, изжарили рыбу, которую разом же и съели, а потом поспешно стали готовить мясо. Перья птиц были тщательно ощипаны, а с выдры была снята шкура; она предназначалась для одежды; для этого ее выскоблили каменными ножами и натерли салом. После ужина женщины и дети пошли спать, а мужчины остались рассказать старой Парре о виденных ими у Мамонтова озера замечательных жилищах, недавно выстроенных, но покинутых их обитателями. Аймаатов удивляло то, что жилища эти сделаны из стволов деревьев, обтесанных так, как нельзя обтесать каменным топором. Неподалеку от этих жилищ они нашли лодки, но не выдолбленные и выжженные, как обыкновенно, а искусно сколоченные из деревьев, разрезанных вдоль по всей длине. Родственное аймаатам, живущее неподалеку, племя рассказало им, что это какой-то народ с белым цветом лица и в мягких одеждах настроил такие странные хижины и лодки. Белые люди жили около озера целый месяц, убили

много мамонтов и, забрав их клыки, а мясо бросив, ушли. Они были приветливыми соседями и подарили им блестящие кольца. Оружием им служили страшные кольца с блестящими остриями, такими острыми, что легко пробивали шкуры мамонта и слона. Так же блестящи и остры были их стрелы; а их луки стреляли вдвое дальше, чем луки айматов. Но самое необыкновенное, что у них было – это ножи – длинные, величиной с руку, острые и такие блестящие, что в них можно было видеть себя, как в прозрачной воде. Деревья они рубили и тесали такими же, как ножи, топорами. Они приручили каких-то животных вроде волков, которые сторожат им жилища и лают, когда подходит чужой. Эти люди обещали вернуться осенью и привезти с собой жен и детей.

Внимательно слушавшая старуха неожиданно крикнула:

– Горе, горе нам! Это белые калаты (Калаты – кельты, племена, обитавшие в Западной Европе.) из той стороны, где восходит солнце. Мой отец встретил их раз и они подарили ему блестящий нож из солнечного камня. Но отец ненавидел и боялся их, так как они убивали и ели своих врагов. Они называли себя сынами солнца, а айматов – сынами земли. И это правда: калаты не боятся смотреть на солнце, а айматам оно ослепляет глаза. Калаты не знают голода. Они питаются зернами, которые растут летом. Зимой они сидят дома у огня, едят и спят... Горе нам, если они придут в нашу страну!.. Они будут есть все: и наших детей, и наших оленей, и наших лошадей, и наших медведей. А нам останется голодать и служить им или умереть!..

Наступила беззвездная ночь: уныние охватило мужчин. Они, молча, встали и один за одним ушли в темную пещеру. Под деревом осталась одна старуха, что-то бормотавшая в полусне. Над ней на суку сидел черный ворон. Услыша чей-то шорох, он проснулся, закаркал, захлопал крыльями и снова замолк.

Все погрузилось в сон.

Глава 3. В пещере Тулька

С восходом солнца, в Тульке (так звали айматы свою пещеру) началось оживление. Там жило шесть взрослых мужчин, сыновей одного отца. У каждого из них было по несколько жен и детей, так что в пещере помещалось до пятидесяти душ.

Вход в пещеру был на северо-западном склоне крутой горы, около ее вершины, под нависшей скалой. Это было небольшое отверстие, заложенное громадным обломком скалы; за обломком шел узкий и высокий проход, с несколькими сужениями; проход поворачивал сначала направо, потом налево, а затем неожиданно расширялся, образуя большой зал, где было совершенно темно. Здесь жители пещеры находили приют от холода и непогоды; пол этой части пещеры был выложен самой природой известняком; разбросанные обломки скал служили айматам столами и скамейками. Температура здесь была одинакова и зимой и летом, так что неприхотливые обитатели Тульки обходились без печей. На высоте тридцати футов от пола свод зала был украшен природой сталактитовыми отложениями. Выступы скал естественно разделяли пещеру на комнаты, удобные для каждой отдельной семьи племени. В конце зал опять сужался в проход, который, делая прямой угол, приводил во второй маленький грот. Здесь айматы устроили настоящий склад оленьих рогов, длинных трубчатых костей лошадей и пещерных медведей, мамонтовых зубов, кремневых камней разной величины и дерева для выделки оружия. Связанные виноградной лозой, заменяющей арматам веревки, висели на потолке стволы тополей, тисов, дубов, черного и белого терновника. Дальше пещера еще раз сужалась, открывая вход в третью ее часть, где хранились съестные припасы на случай голодовок и на зиму. Сюда, в это прохладное место, не могли проникнуть ни мухи, ни другие насекомые, портящие мясо. Запасы дичи висели на поперечных жердях с деревянными крючьями. В углублениях стен стояли красные, толстые, похожие на блюдца, сосуды, сделанные из глины и песка и обожженные на огне. В них хранился жир убитых животных, сушеные ягоды, орехи, плоды, древесная кора, травы, корни, сушеные грибы и лишай. Лишай очень ценился айматами; их растирали в муку, приготовляли из нее тесто и поджаривали его в растопленном жиру.

Еще один и последний проход вел в грот, где постоянно просачивалась вода. Для сбора ее на полу грота был искусно вырублен бассейн и капли воды падали в него с однообразным шумом, который был слышен даже снаружи пещеры.

Слева от последней комнаты спускался на запад крутой обрыв из красной мягкой глины. Здесь валялась разбитая посуда, кости зверей, остатки пищи и клочья шерсти, словом все отбросы хозяйства.

Но нигде не чувствовалась так заботливая рука хозяев, как в жилой части пещеры. Повсюду по стенам были вбиты деревянные колышки и крючья, на которых висели луки, сплетенные из лыка колчаны, каменные топоры, копья, деревянные дубины и длинные челюсти пещерного медведя, привязанные ремнем к деревянной рукоятке. На других колышках висела одежда из звериных шкур. Посредством натирания жиром и мозгами зверей айматы умели делать их мягкими, гибкими и непроницаемыми для дождя. Другие шкуры, особенно медвежьи, устилали пол пещеры у стен и служили постелями. В углублениях стен айматы с гордостью хранили драгоценности пещерного хозяйства – разные кремневые орудия: наконечники для копий и стрел, ножи, пилы, топоры для рубки деревьев и боевых схваток. Много терпения, труда и ловкости требовалось для выделки оружия из этого первобытного материала. Кремень был очень хрупок и добывался из громадных глыб; айматы не только умели обтачивать кремневые изделия, но и шлифовать их. Кроме кремня для орудий употребляли рог, кость и дерево; из дерева выделывались пращи, дубины и стрелы.

Айматы не забывали и об украшениях: на стенах их жилища висели ожерелья из блестящих звериных зубов, нанизанных на кожаные ремни. Особенно ценились у них резцы лошади,

будто бы дававшие человеку быстроту лошадиных ног; зубы северных оленей были более обыкновенным украшением. Зато во всей пещере не было и следа металлов; ни меди, ни бронзы, ни железа. Обитатели ее не знали об их существовании, не умели ни находить, ни обрабатывать их.

Для освещения айматы пользовались лучиной, вставляемой между двумя большими тяжелыми камнями. Такая лучина день и ночь горела посередине пещеры. Она скудно озаряла внутренность жилища айматов, нередко тонущего в густых столбах дыма. Дым мог выходить только через вход в пещеру. Летом многочисленная семья целые дни проводила на открытом воздухе, пользуясь пещерой только для ночлега; зимой, напротив, они нередко по неделям не показывались из своего убежища, толпились у огня вместе с прирученными животными.

В такое время пещера представляла особенно интересное зрелище. У огня сидит группа женщин и шивает оленьими жилами, продетыми в толстые кремневые или костяные иглы, звериные шкуры и разглаживает швы плоским камнем; кое-кто из девушек усердно смазывает свои длинные черные волосы мозгами из костей северного оленя и расчесывают их гребнями из дубового дерева. Шумная толпа ребятишек катается по мягким медвежьим шкурам вместе с ручными животными, и пещера оглашается звонким хохотом и добродушным рычанием; в отдалении мужчины, рассказывая друг другу свои охотничьи похождения, обтачивают металлические копья, строгают стрелы или скребут рог. Старая Парра занимает старших детей историями из древних времен и страшными фантастическими сказками.

Кроме сказок и историй, старуха знает, как надо лечить разные болезни, как варить клей из наростов на дубах и яблонях; смазавши этим клеем стволы и сучья деревьев, можно поймать много маленьких птичек, которые вязнут в клею; она знает, как надо из дикой виноградной лозы, конских волос и ремней делать сети и капканы для ловли животных; она знает, как надо ловить ядовитых змей... Много чего знает старая Парра.

Глава 4. Первая охота Руламана

На следующий же день вечером охотники стали держать совет, куда отправиться теперь за добычей. Вблизи пещеры нельзя было найти никакой дичи; но подальше, в горах, встречались еще стада северных оленей и диких лошадей; а в густом лесу, покрывавшем склоны гор, попадались в одиночку благородный олень и дикая свинья.

Мужчины, приходившиеся Парре внуками, относились к ней с большим уважением. Сколько ей было лет, никто не знал, во всяком случае больше ста. Благодаря ее жизненному опыту и многочисленным знаниям, ее считали почти каким-то высшим существом.

Парре предстояло принять решение и указать место для охоты. Она долго молча думала, потом подняла голову и проговорила: – «Кадде!» – это значило северные олени.

Вопрос был таким образом решен; выступить в дорогу охотники согласились этой же ночью.

– Руламан! – позвал Руль сына, – я возьму тебя с собой.

Мальчик был в восторге.

К заходу солнца Руламан первый явился на площадку перед пещерой со своим охотничьим вооружением. Старая Парра обрадовалась своему любимому правнуку.

– Ты не вернешься с пустыми руками, – предсказала она ему. – Ты всегда приносил мне жирного снегиря или щура, теперь принеси что-нибудь побольше.

Свист начальника дал знать, что пора двинуться в путь. Старуха замахала вслед уходившим клюкой и крикнула пронзительно:

– Отомстите за смерть моего сына и принесите мне голову буррии!

Когда-то пещерный лев, или буррия, как называли аймацы это чудовище, утащил в свою берлогу ее сына, отца шестерых мужчин, живших в Тульке; с тех пор прошло уже тридцать лет, но Парра по-прежнему всякий раз кричала о мщении.

Впереди маленького отряда, состоявшего из шести взрослых мужчин и троих юношей, шел их предводитель – Руль. Каждый охотник был вооружен луком со стрелами, копьем и каменным топором. Копье и топор Руля, как вождя, отличались от остальных более тщательной резьбой и окраской. Как начальник, он носил на плечах белую шкуру волка. Руламан, как сын начальника, носил такую же почетную одежду. На ногах у охотников были сандалии из звериных шкур, крепко привязанные к икрам. Накидки из звериных шкур были тоже привязаны к плечам ремнями и веревками из виноградной лозы. У юношей не было копий: копье аймак мог получить, по обычаю, только после того, как убьет пещерного медведя. Кроме копий, лука со стрелами и топора охотники имели при себе мешок с кремневыми ножами и с другими охотничьими принадлежностями.

Выйдя из леса, Руль определил направление ветра; для этого он положил палец в рот и затем поднял его кверху. Палец быстро высох со стороны юга, – это означало – будет южный ветер, что было очень благоприятно для охоты. Целый час шли охотники по жесткой короткой траве, ступая по следам друг друга, как это делают многие хищные звери, отправляясь на добычу. Дорогу находили по известным приметам: деревьям, кустарникам и скалам. К ореховым и можжевельниковым зарослям аймацы подходили с опаской; они хорошо знали, что за такими кустами нередко прячется пещерный медведь или пещерный лев, чтобы одним прыжком броситься на неосторожного охотника. Кругом царил мертвая тишина; вдруг с одного из кустов вспорхнула большая черная птица.

– Кобело, кобело!.. – вскрикнул Руламан и спустил стрелу.

Громадный тетерев с пробитой каменным острием грудью упал к ногам мальчика.

Отец строго посмотрел на сына.

– Никогда не стреляй без моего позволения и не кричи на охоте, – сказал он.

Руль отрезал птице голову и протянул ее мальчику.

– Пей! – предложил он.

Руламан с радостью припал к горлу птицы и жадными глотками стал пить теплую кровь.

Они пошли дальше, связав тетереву ноги и перекинув его за плечо. Руль был прав, делая строгий выговор сыну. Не прошли они и двадцати шагов, как послышался легкий треск и топот быстрых ног.

– Кадде... – прошептали охотники, видя несколько темных теней, поспешно убежавших от них.

– Руламан, ты испортил нам охоту, – с досадой сказал Руль.

Забрезжил день. Они не встречали больше ни северного оленя, ни лошади.

У опушки леса предводитель воткнул в землю свое копье в знак привала. Юноши сбегали в лес за хворостом и устроили костер. Один из мужчин просверлил ямку в сухом пне дерева и стал быстро вертеть в ней деревянный кол; скоро от трения в ямке появился дым, потом пламя. В него подбросили прутья и костер весело затрещал. Общипанного тетерева насадили на деревянную палку и, медленно поворачивая его над огнем, изжарили и съели. Занималась заря. Не имея ни собаки, ни прирученной лошади, ни ружей, первобытный человек не мог охотиться днем; он мог только тихо подкрадываться ночью к мирно пасущемуся стаду. Пришлось охотиться наудачу в ожидании темноты.

Глава 5. Битва с пещерным львом

Охотники свернули в чащу густого леса.

Подойдя к могучему стволу лиственницы, Руль сказал:

– Вот дерево буррии, Руламан! Видишь эту длинную, глубокую впадину?

Тут точит свои когти буррия в продолжение многих-многих лет. А вон лежит убитая им еще недавно и обглоданная корова. Будем осторожны... У буррии сила ста мужчин...

Когда они вышли из полумрака хвойного леса на прогалину, где протекал сбегавший вниз, в ущелье, ручей, совсем рассвело. Руль разом остановился: у ручья на влажной от росы траве лежал растерзанный и окровавленный труп лошади.

– Буррия!.. – тихо и боязливо прошептали охотники.

Они поняли, что страшный пещерный лев где-то близко; будь это пещерный медведь, он утащил бы добычу в свою берлогу. Сердце Руламана забилося от волнения и радости. Ему страстно захотелось принять участие в сражении; рука его невольно сжимала рукоятку топора.

Охотники внимательно разглядывали следы чудовища. Очевидно, лев ушел в ущелье; на сыром берегу ручья ясно отпечатались его следы, круглые, большие, около фута в диаметре.

– Он напился и наелся, теперь спит, – прошептал Руль. – Наконец-то мы нашли убийцу нашего отца. Вспомните слова Парры. Идем к нему... Почти ползком, как кошка, побежал он по следам зверя. За ним последовали трое мужчин и Руламан. Остальные побоялись идти. Руль с презрением обернулся к ним, но все же приказал сыну остаться с ними. Руламан нехотя повиновался и влез вместе с оставшимися на высокую ветку ближнего дерева.

Мальчик не сводил блестящих глаз с темного ущелья, в котором исчезли четверо охотников; сердце его замирало.

Вдруг громкий звериный рев потряс лесную чащу; за ним послышался раздирающий душу крик человека.

Руламан с быстротою молнии соскользнул с дерева и побежал к ущелью, сжимая в руках каменный топор и лук.

– Руламан! Руламан!.. – старались остановить его товарищи.

Но он исчез из глаз.

Руламан не успел еще сбежать по скалистому склону ущелья, как из него выбежали двое спутников Руля с криками:

– Назад! Назад!.. Буррия...

Но Руламан не слышал их и бежал дальше. Вдруг он остановился. Прямо перед ним, у подножья высокой скалы, стояло чудовище; тело зверя было все утыкано стрелами, а между передними лапами лежал распростертый человек. В глазах Руламана потемнело, – он узнал отца.

В несколько прыжков он достиг буррии.

Ударяя хвостом по бокам, свирепый хищник стоял, бешено устремив горящие глаза на сидевшего над ним на дереве третьего спутника и брата Руля – Репо.

– Отец!.. – закричал в отчаянии Руламан и изо всей силы ударил зверя в висок, до которого едва мог достать.

Лев зарычал, тряхнул косматой головой и поднял лапу, чтобы отмахнуться от мальчика, как от мухи. Руламан избежал удара, быстро перебежав на другую сторону. Животное обернулось к нему и этим движением освободило Руля. В мгновение ока Руль вскочил, окровавленный, с разорванным плечом, прыгнул в сторону и, схватив сына, скрылся с ним в кустарнике.

Сидевший на дереве спустил в это время стрелу, которая серьезно ранила зверя в шею; животное страшно зарычало и задрожало всем телом; поток крови хлынул из его пасти, и оно с

хрипением упало на колени. Судорожно перевернувшись три раза, зверь покотился по склону ущелья, увлекая по дороге камни и сучья.

Охотник, пустивший последнюю стрелу, слез с дерева и подбежал к льву. Некоторое время лев неподвижно лежал у самого ручья, окрашивая его воду кровью; потом он сделал страшное усилие и встал на передние лапы; сел, поглядел на скалу, где находился вход в его берлогу, и, не обращая больше внимания на людей, исчез в темноте пещеры.

Стрелы и копья были все выпущены. Руль лежал тяжело раненый на земле; не оставалось ничего другого, как уйти, в надежде найти позже льва мертвым или окончательно добить его.

Охотники повели бледного как смерть Руля туда, где ждали их оставшиеся у растерзанной лошади товарищи. Руль едва добрался до верха, – так он ослабел от потери крови, – и сейчас же упал на траву, закрыв глаза. Руламан с криком отчаяния опустился перед ним на колени; он думал, что отец уже умирает. Его успокоили, сказав, что Руль просто спит. Братья тщательно обмыли пять глубоких ран на его груди и плече. Чтобы остановить кровь, они приложили к ранам грибной трут и перевязали их листьями. Потом уложили бесчувственное тело предводителя на постель из мха. Руламан, утомленный волнением, уснул рядом с отцом.

Мужчины стали совещаться, как им быть: уйти, бросив такую прекрасную добычу, как буррия, было жалко, да и нести на руках раненого было тоже нелегко; дома оставались одни лишь женщины и дети – ждать помощи от них невозможно.

– Мы должны послать к Ангеко, в пещеру Гука, – сказал Репо: – он один только может вылечить брата и прислать своих людей. Я сам пойду и приведу их.

Но другие стали спорить: если Руль выбыл из рядов, то Репо теперь должен быть их предводителем и остаться с ними. Решили бросить жребий.

Вытянувший жребий, не говоря ни слова, поднялся и исчез по направлению к северу.

Глава 6. Ангеко и пещера Гука

Недалеко от Тульки лежала другая пещера. Она не была так тепла и суха, как пещера Руля. В ней царил такой мрак, что без факела нельзя было ступить и шагу; со стен и потолка капала и струилась вода, наполняя воздух таинственным журчанием и шепотом. В одном месте из стены низвергался целый ручей, который вливался в глубине пещеры в тихое озеро, вечно окутанное мглой. Через озеро было перекинуто несколько стволов деревьев в виде моста; по ним смел переходить только предводитель племени, жившего в этой пещере, Ангеко. Племя верило, что в глубине пещеры живут подземные духи, входить в сношение с которыми может только их глава. Старый Ангеко был очень умен и хитер. Само имя «Ангеко» значило врач, чародей. Все боялись его и подчинялись ему.

Пещеру называли «Гука», что значит «жилище филина». И правда, в пещере гнездились множество филинов. Аймацы считали их священными, веря, что в них переселяются духи злых начальников, которые могут жестоко мстить своим обидчикам. Ангеко заботился о птицах и приказывал вешать для них мясо животных, которых аймацы не употребляли в пищу. Заунывные крики филина оглашали ночью окрестности, отгоняя от пещеры других птиц. Одни только вороны вступали нередко в борьбу с филинами из-за висевших у пещеры туш мяса. Ангеко любил, сидя у входа, смотреть на эту борьбу. У старого вождя был свой любимец. Он добыл его десять лет назад маленьким птенцом и вырастил из него громадную великолепную птицу. Филин платил своему хозяину необыкновенной привязанностью. По одному слову Ангеко, птица слетала к нему на плечо, а когда Ангеко спрашивал, как его зовут, птица отвечала тихим голосом:

– Шугу, шугу!

Она не покидала хозяина и вне дома. Один из людей племени носил ее на руке рядом с Ангеко.

Обитатели Гуки занимали только широкое и освещенное со стороны входа преддверие. В темную, сырую залу они пробирались только суровой зимой или в случае опасности. В этом преддверии на возвышенной площадке Ангеко выстроил себе из бревен и толстого плетня нечто вроде хижины, украшенной человеческими и буйволовыми черепами и рогами оленя. С этого возвышения он наблюдал за тем, что делалось в пещере. Здесь он совершал свои заклинания и молитвы, наполнявшие суеверным страхом сердца его соплеменников. Часто с возвышения слышался бой барабана и протяжное, грустное пение Ангеко. Иногда он по несколько дней не показывался, сидя у себя в хижине и принимая пищу через небольшое отверстие. Пил Ангеко всегда из человеческого черепа; говорили, что это был череп его дяди, бывшего до него начальником племени и неожиданно исчезнувшего. В Гуке жило двенадцать мужчин со своими семьями, – всего 80 человек. Но так как в передней части пещеры было тесно, а во внутренней темно и холодно, то Ангеко приказал построить ряд шалашей в преддверии пещеры и даже на ветвях деревьев.

Ангеко, управлявший своим племенем уже тридцать лет, не любил предпринимать утомительной охоты на крупных зверей и изощрялся в придумывании капканов, силков и сетей на зайцев, мышей, белок и сурков. Обитатели Тульки иногда в насмешку называли их «убийцами зайцев», «победителями мышей», с гордостью говоря о себе, как об «убийцах буррий» или «победителях буйволов».

Ангеко почти никогда не удавалось ставить капканы на медведя, но зато он брал его хитростью. Он приказывал своим людям завалить во время зимней спячки вход в берлогу зверя шестами и бревнами, а потом поднимать невообразимый шум и треск. Проснувшийся медведь начинал очищать в ярости выход из берлоги, швыряя бревна в глубину, и так в конце концов

заваливал берлогу, что не мог в ней пошевелиться. Тогда охотники закалывали беспомощного зверя копиями, а старый вождь прыгал от радости, что перехитрил зверя.

Ангеко был очень запаслив: ни в одной пещере не было столько сушеных грибов, ягод, плодов и корней, как в пещере Гука. Ангеко научил свое племя ловить в громадном количестве рыбу и сушить ее на зиму. Он вел торговлю рыбой с горными племенами, меняя ее на медвежьи и оленьи шкуры.

Глава 7. Ночь в первобытном лесу

Оставшиеся подле раненого Руля айматы развели огонь и приготовили себе роскошный обед из недоеденной львом лошади. Они с жадностью набросились на вкусный головной и костный мозг лошади; вместо сковороды они употребляли кости черепа. Айматы, умеющие подолгу голодать, могли в то же время и невероятно много съесть за раз; в этом они походили на окружавших их диких зверей. После ужина айматы легли спать и спали чутким сном с настроженными ушами и полуоткрытыми глазами. Один из них в качестве часового взобрался на дерево, слезая лишь для того, чтобы поддерживать огонь. Наступила ночь. Айматы проснулись и стали строить легкий шалаш из кольев, стараясь как можно меньше шуметь; шалаш они обложили для безопасности большими камнями. Одну из стен, выходящую на восток, оставили открытой навстречу первым лучам солнца, которое они почитали за божество.

На западе поднималась тяжелая туча; тишину нарушали шумевший в ветвях горный ветер, отдаленный вой волков или гиены и крик совы. У всех на уме вертелся вопрос: убит ли буррия; но никто не решался произнести его, боясь выдать свой страх. Один Репо был спокоен и почти весел: он окончательно убедился, что Руль останется жить. Грудь спящего вождя поднималась ровно, как у здорового человека.

– Будет буря, – сказал Репо, прислушавшись к шуму ветра.

Часовой с дерева свистнул три раза. Айматы поняли, что он предупреждает их о близости волка. Такое соседство мало пугало охотников; но каково же было их удивление, когда через минуту волк перебежал лужайку и прыгнул прямо в шалаш.

– Стальпе! Мой Стальпе... – закричал пораженный Руламан, узнав своего ручного волка, прибежавшего за ним по следам из Тульки. От крика проснулся Руль. Первым его вопросом было: где буррия.

– Мы скоро его все равно найдем, – сказал он, глядя на волка: – Стальпе нам поможет.

Несмотря на то, что правая рука его горела как в огне от ран, он схватил левою копье и кивнул головою Руламану и Репо, приказывая им идти за ним.

Вместе с волком, который бежал за ними как верная собака, они спустились в ущелье. Остальные охотники следовали за ними в отдалении. Вдруг волк поднял голову и зарычал.

– Буррия мертв, – сказал Руль: – Стальпе чует его, но не бежит прочь как от живого.

Волк побежал вниз, нюхая воздух; охотники поспешили за ним. Но он бежал не к пещере, куда скрылся раненый лев, а к ручью. Волк остановился перед крутым обрывом, с которого низвергался ручей, и глухо ворчал, смотря в темную глубину ущелья.

– Буррия свалился в овраг. Овраг глубок, но мы должны спуститься туда с помощью дерева, – говорил Руль спутникам.

Все бросились в лес, и работа закипела. Несколько часов подряд стучали топоры. Руль внимательно прислушивался к малейшему шороху доносившемуся из оврага.

Вдруг волк бросился бежать вдоль обрыва и скрылся из вида. Через минуту из глубины ущелья раздался рев, стоны и лай. Руламан узнал голос своего любимца.

– Стальпе! Стальпе! – закричал он со слезами, думая, что волк вступил в борьбу со львом.

– Буррия мертв, – утешил его Руль: – волк дерется с гиеной или с лисицей из-за добычи. Не бойся: он легко сладит с ними. Вскоре снизу снова послышалось рычание волка, перешедшее в испуганный вой, который, постепенно удаляясь, наконец, затих в долине.

– Странно! – сказал Руль и покачал головой.

Между тем наступила страшная темнота. Тучи заволкли все небо, поднялся сильный ветер; по лесу пошел стон и треск. Издалека доносились глухие раскаты грома. Яркая молния по временам освещала группу мужчин, тащивших по лесу тяжелый ствол дерева.

Подтащив бревно к оврагу, айматы легли на край его, стараясь рассмотреть, что делается внизу.

Вдруг молния осветила глубину оврага. Руламан затрепетал: на дне лежало мертвое тело льва, а над ним стоял огромный пещерный медведь.

– Где же мой бедный Стальпе?.. – с ужасом крикнул мальчик.

– Ого-го!.. – сказал Руль. – Дедушка (так называли айматы в шутку пещерного медведя) хочет украсть нашу добычу, как жалкая гиена! Руламан! Радуйся: мы будем сегодня жарить медвежьи лапы. Сколько у нас копий?

– Только три, – отвечал Репо: – все остальные мы побросали в буррию.

Но у нас есть много стрел.

– Прекрасно! Все за мной! – шепотом отдал приказ Руль и расставил всех по местам с оружием наготове. Сам он взял в левую, здоровую руку копьё, второе передал Репо, а третье другому своему брату.

– При первой молнии цельтесь, а при второй бросайте! – приказал он.

Руль весь трепетал и готов был, забывши боль и слабость от потери крови, броситься в рукопашную со зверем.

Блеснула молния. Все ясно разглядели медведя и прицелились. Медведь, почуяв близость врага, отошел от трупa льва и, став на задние лапы, беспокойно нюхал воздух.

Неужели гроза прошла? Неужели молния не придет к ним на помощь?

Неужели за это время медведь переменит положение и они промахнутся?

Но вот опять ярко сверкнула молния, – копьё и стрелы засвистели.

Страшный рев потряс скалы и разнесся эхом по лесу.

Глава 8. Пещерный медведь

Гроза утихала и молния не освещала больше глубокого мрака. Руль приказал зажечь огонь и стащить дерево к оврагу, а сам прилег на край его, прислушиваясь к малейшему звуку.

Снизу послышался глухой шум от падения тела. На небе стало светлее; кое-где даже показались звезды; тучи уходили дальше.

– Руламан! – радостно закричал Руль, – скоро взойдет луна, и мы спустимся в овраг.

Мальчик не отвечал, он с тоскою думал о своем пропавшем волке. К краю оврага удалось, наконец, притащить срубленный с таким трудом ствол дерева.

Вдруг со стороны леса раздались пять резких пронзительных свистков.

– Это Ангеко и его люди, – обрадовался Репо.

Руль не знал еще, что за Ангеко посылали, и очень удивился этому. Он сейчас же отправил одного из своих к нему навстречу. Руль недолюбливал вождя дружественного племени. Он не верил в чудодейственную силу «старого филина», как он втайне называл Ангеко. Бабушка Парра знала не меньше предводителя Гуки. Но Руль уважал в Ангеко его возраст и положение. Медленно и важно приближался Ангеко, окруженный своими людьми. Впереди шел посланный Тульки с факелом в руках. За ним шел Ангеко в своей шкуре белого волка; филина, топор и копье нес один из его племени, а остальные восемь человек были в полном охотничьем вооружении. Высокий кожаный колпак на голове Ангеко придавал внушительную представительность его невысокой фигуре; белые пряди волос падали на кунью опушку его длинной одежды из оленьей шкуры. На шее и груди висели блестящие ожерелья из звериных зубов; кожаный пояс был увешен челюстями дикой кошки, считающимися волшебными и очень поэтому ценными. К поясу были привешены также кожаные мешочки с целебными травами. Такие далекие путешествия были нелегки для старика Ангеко, и Руль должен был считать за большую для себя честь его приход сюда. Руль встал при приближении старого вождя. Остальные братья его с благоговением приветствовали Ангеко, и в знак почтения они с поклоном клали его левую руку себе на голову. Оба вождя приветствовали друг друга с особыми знаками обоюдного уважения и уверенности в дружбе.

Прежде всего Ангеко спросил Руля об его ранах, удивляясь тому, что видит его уже на ногах. Он долго и серьезно исследовал раны, слушал сердце, потом взял из мешочка, висевшего у его пояса, коричневый порошок, посыпал им раны и, ударив Руля посохом, торжественно сказал:

– Когда три раза взойдет солнце, боль утихнет; когда три раза всплывет полный месяц, рана заживет.

Руль вспомнил о медведе и заторопился; он подбежал к краю оврага, но свет взошедшего месяца не достигал его дна; по прежнему не было видно, что случилось с медведем.

Несмотря на это Руль принял безумное по своей смелости решение: он приготовился лично спуститься в овраг с помощью дерева. Аймагы поспешно спустили в глубину принесенное из леса бревно. Верхний конец бревна они обмотали веревками и четверо из них стали крепко держать его. Руль схватил горящую головню из костра, передал ее Репо и, сделав знак Руламану остаться с Ангеко, закричал:

– Кто хочет за мной?!

С этими словами он стал спускаться; Репо следовал за ним, освещая ему путь. Остальные один за другим тоже стали спускаться. На расстоянии нескольких футов от земли Репо раздул факел, и аймагы увидели плоды своей охоты.

Могучий буррия лежал мертвым, растянувшись у подножия скалы во всю длину своего громадного тела. Медведь сидел в десяти шагах от него и старался выдернуть из тела копья и стрелы. Руль понял всю опасность своего положения и крикнул товарищам:

– Назад, назад!

Одна рука его не действовала; ему приходилось держаться за ствол только одной здоровой рукой. А медведь в это время поднялся и пошел, прихрамывая, к дереву.

К своему ужасу Руль и Репо поняли, что их спутники за шумом ручья не слышали крика и увидели грозившую им опасность слишком поздно. Медведь уже поднимался по дереву. Рост зверя вдвое превышал рост человека. Обхватив дерево лапами, медведь так качнул его, что охотники закричали в ужасе и только благодаря счастливой случайности не попадали вниз; люди Ангеко, державшие наверху дерево, едва не выпустили его, – так силен был толчок. Зверь уже настигал Руля; его левая раненая лапа бессильно висела, а правую он поднял, почти касаясь ног аймата.

– Нагнись вниз и держи меня за шею! – закричал Руль брату.

Освободив единственную руку, он поднял топор и изо всей силы ударил медведя по лапе. Зверь зарычал от боли и ярости и свалился вниз, увлекая за собой дерево. Люди, державшие наверху дерево, не смогли его удержать и выпустили после этого второго могучего сотрясения. По счастью дерево медленно скользнуло по скале, придавленное к ней тяжестью упавшего зверя. Люди, сидевшие на дереве, удержались и успели благополучно соскочить на землю.

Два чудовища лежали рядом: мертвый лев и катавшийся с ревом около него и не уступавший ему по величине пещерный медведь. Руль перевел дух и громко победно крикнул.

Руламан, все еще лежавший на краю оврага, задрожал от радости, услышав голос отца.

– Рулаба, Рулаба, жив ли ты?

– Мы все целы, – ответил снизу Руль.

– Нельзя ли и мне сойти к вам? – спросил Руламан.

Ответа не последовало. При свете факела предводитель Тульки нанес медведю последний, смертельный удар топором по виску. С глухим рычанием зверь приподнялся и мертвым упал на труп льва.

Глава 9. Богатая добыча

Люди Ангеко не могли спуститься, так как дерево упало вниз, и томились у края оврага. Руль был рад этому обстоятельству, потому что мог теперь утверждать, что богатая добыча получена только руками людей Тульки; им полагалась таким образом лучшая доля во время дележа. Охотники Тульки развели громадный костер, освещавший далеко кругом дно оврага. Прежде всего они отрезали медведю лапы и, как лакомое блюдо, поджарили их. Руль, со вчерашнего утра ничего не евший, не хотел сесть за еду без сына.

– Руламан! – крикнул он, – скажи друзьям, чтобы они спустили тебя на веревках. Только отталкивайся топором от скалы, а то острые края ее могут перерезать веревку.

Когда Руламан благополучно спустился. Руль нежно обнял сына и сказал:

– Наконец-то старая Парра перестанет упрекать нас! Жаль, что теперь лето: зимой мы бы привезли ей на санях всего буррию. Руль хорошо знал, что лежащий перед ним лев был тот самый, который убил тридцать лет назад его отца. Он знал, что старый лев-самец всегда закрепляет за собой определенную местность для охоты и господствует там, не допуская другого льва. Этот буррия был хорошо известен охотникам и много лет подряд наводил ужас на все живущее вблизи его жилья. Уже десятки лет жил он здесь без самки, как последний представитель своей породы в этой местности.

После обеда началась тяжелая работа снимания шкур со зверей. В вытянутом положении оба чудовища были огромны: лев в три раза превышал рост человека, медведь, вследствие своей толщины, казался еще крупнее. Шерсть пещерного льва была черная с серым и желтым, густая и волнистая, спасавшая его от холода лютой зимы. Гривы на шее у него вовсе не было. Шкуры этих чудовищ высоко ценились айматами. Носить в своем ожерелье страшные клыки и когти пещерного льва считалось очень почетным. Целый час провозились айматы над сниманием громадных шкур. Во время работы сыпались веселые шутки. Мясо льва айматы выбросили, как несъедобное; они чувствовали отвращение к мясу зверя, пожившего при жизни столько людей.

Еще до снятия шкуры со льва Руль внимательно осмотрел его раны. Четыре из них, нанесенные копьями, едва сочились кровью, но рана, нанесенная стрелой Репо, произвела громадное разрушение и была смертельной.

– Наши четыре копья, – сказал Руль сыну, – только шекотали буррию; одна стрела Репо причинила ему смерть. Твой удар топора хоть и не оставил даже следа на голове буррии, но им ты спас меня. Он позвал Репо и, протягивая ему его смертоносную стрелу, с трудом вытянутую из горла льва, сказал:

– Тебе, как убийце буррии, принадлежат его зубы.

Репо обломал древко стрелы, а каменное острие тщательно спрятал, веря, как все айматы, что оно никогда теперь уже не даст промаха. Когда охотники, покончив со шкурами, принялись готовить себе обед из внутренностей медведя, с левой стороны оврага показался Ангеко со своими людьми. Соблазнительный запах жарившихся медвежьих лап достиг края оврага и возбудил нетерпение любившего полакомиться вождя Гуки. Им овладело беспокойство, что обитатели Тульки назначат ему при дележе добычи слишком малую долю. Он ясно видел освещенных костром охотников, счастливых и пирующих, но спуститься вниз не было никакой возможности; спуск же на веревках он считал для себя, как для важной особы, просто неприличным. Он решил предпринять довольно длинный обход, чтобы найти более подходящий спуск на дно оврага.

Только через два часа раздосадованный Ангеко подоспел к роскошному угощению. Руль усадил его с почетом на разостланную шкуру медведя, поместив позади одного из его людей с

любимым филином старика. Сам Руль с сыном сел против Ангеко. Первый кусок медвежьего сердца был предложен гостю.

Руль рассказал Ангеко о прибытии белых калатов и об их хижинах на берегу Мамонтова озера. Он просил Ангеко употребить все его влияние, чтобы объединить разрозненные племена айматов и сообща прогнать непрошенных пришельцев, Ангеко, напротив, советовал подождать с решительными действиями и на первых порах встретить их дружелюбно. Стало светать. Шесть человек, подвесив тушу медведя на шести, подняли ее на плечи и понесли. Четверо других несли обе шкуры. Оба начальника и Руламан были избавлены от тяжести. Четвертую часть медвежьего мяса получил Ангеко для своей пещеры.

Дорога была чрезвычайно утомительна для тяжело нагруженных айматов: сначала они пробирались через густой сосновый лес, а потом карабкались по склону горы среди крутых скал, валунов, колючих кустарников и упавших деревьев. Им пришлось проходить мимо «Озера Жизни», как называли айматы большое глубокое и прозрачное озеро на равнине, окруженной могучими тисами. Озеро это считалось священным; около него находилась подземная пещера, недоступная человеку и населенная, по мнению айматов, душами умерших добрых людей. У «Озера Жизни» утомленные охотники остановились, сбросили ноши и, растянувшись на берегу, напились прохладной воды. Потом они все бросились купаться, и плавали и ныряли, как выдры. После купанья, освеженные и счастливые, они развели огонь и полакомились большим куском жирного мяса.

Дальше им пришлось идти в гору по дну извилистого оврага, по которому в дождливое время и весной, когда тают снега на горах, с бурной силой мчится поток; за оврагом снова шла равнина. Раз они увидели недалеко от себя стадо диких лошадей, но руки их были полны, им было не до охоты, и они пошли дальше, дав стаду ускакать. В конце равнины им попался труп оленя, но совершенно разложившийся и никуда негодный. Только рога его представляли ценную находку, и айматы захватили их с собой.

– Его загрызла рысь, – уверено сказал Руль сыну, – она прыгнула с дерева ему на спину и прокусила шею.

Войдя в лес, они увидели широкую и ровную тропинку, открывавшую вид на долину Арми.

– Это старая тропинка носорога, – объяснил Руль. – Мне не пришлось видеть ни одного живого носорога. Эта тропинка проложена последним из них, живших в нашей местности. Говорят, что он пятнадцать лет каждый день ходил по ней к источнику. Все тогда боялись приближаться к этим местам: ведь носорог даже больше буррии. Раз мой отец нашел его мертвым в камышах болота, и его зубы, как драгоценность, до сих пор хранятся у Парры. Два человека несли тогда его голову и два других его шкуру; на носу у него были два громадных рога и передний был с меня ростом. Кожу его никак не могли разрезать, до того она была толста; мясо тоже никуда не годилось: было твердое и невкусное. Одна Парра сумела как-то из клочков его кожи сварить прозрачную мягкую кашу, которую она с удовольствием ела, а из рогов сделала порошок, которым останавливала кровь. Она любит старых, ушедших от нас животных; из них остался один мамонт, да и тот встречается очень редко. Племя Налли – двоюродные братья старой Парры – истребило их.

– А как же ухитрились Налли убивать носорогов и мамонтов? – спросил Руламан.

– Вон в той долине Арми слышался иногда страшный рев: это мамонты вступали в борьбу с носорогами. Налли выкапывали днем, пока носорог лежал в болоте, глубокую яму на его тропинке и покрывали ее ветвями, а сами прятались вблизи; при приближении зверя они подбежали к яме, кричали, кидали в него камнями. Раздраженный носорог бросался на них и падал в яму. Но убить его было очень трудно: ни копыта, ни стрелы не пробивали его толстой кожи; часто приходилось оставлять его в яме и ждать, пока он околеет с голоду; страшный рев несся тогда по лесу день и ночь, пока носорог постепенно не ослабевал.

– А мамонты?

– С мамонтом справиться еще труднее: он хитер и оглядывает осторожно свою дорогу. Охотники старались захватить его детеныша, оставшего от больших. Они сажали его в глубокую яму прикрытую ветвями, а сами уходили. На визг детеныша прибежала мать, бросалась к нему на помощь и проваливалась в яму. Тогда сбегались люди и убивали ее дротиками и стрелами. Но еще чаще мамонтов ловили в капканы из толстых, крепких ремней. Иногда мамонту удавалось вырваться от людей, и он, весь израненный, бежал к озеру, ища спасения в его водах. Истекая кровью, зверь обыкновенно тонул там. Говорят, на дне Мамонтова озера лежат груды костей погибших мамонтов.

– Один из племени Налли, – продолжал, помолчав, Руль, – был так хитер, что научился смазывать концы маленьких стрел ядом змей и пускал эти стрелы в пасть зверя. Животное сначала почти не замечало укола, но скоро язык и горло его вспухали от яда; зверь падал и катался по земле в предсмертных судорогах.

Наступил вечер; охотники дошли до своего источника. Прощаясь с Ангеко, Руль пригласил его на следующий день на праздник буррии. Начальник Гуки обещал прислать для такого торжественного случая мужчин, женщин и детей своего племени. И они расстались.

Когда уставшие охотники бросили к ногам Парры шкуру льва, она вскочила, как безумная, и закричала:

– Это он, это он – убийца моего сына.

И с диким смехом она сжала окровавленную голову зверя своими костлявыми руками.

Глава 10. Праздник буррии

На другой день все население пещеры с раннего утра высыпало на площадку. Из пещеры Гука тоже пришло человек двадцать. Праздником распорядилась старая Парра.

На ярко освещенную солнцем площадку принесли прежде всего шкуру буррии и сделали из нее с помощью четырех кольев чучело зверя. Парра с искаженным ненавистью лицом села напротив головы чудовища; женщины и дети толпились сзади нее. Начался танец под музыку барабана и дудки, сопровождаемый однообразным пением женщин. Мужчины, вооруженные с ног до головы, бегали вокруг чучела, воинственно потрясая топорами. Впереди всех выступал Репо – «убийца буррии»; этим почетным именем первый его назвал Руль. Аймацы наносили чучелу могучие удары в голову, от которых все оно содрогалось. Темп музыки с каждой минутой все учащался; танец становился быстрее; удары сыпались без счета, и крики пляшущих делались все пронзительнее, все свирепее. После мужчин вокруг буррии стали танцевать женщины; на них были накидки из лебединых перьев, а шеи и руки увешаны зубами зверей. С криком: «буррия», каждая из них в такт танцу ударяла чудовище сосновой веткой.

После танцев начались игры. Устроили наскоро нечто вроде виселицы и при общем ликовании несколько раз подряд повесили буррию. Потом стали пировать. Для этого зажарили целую четверть медведя. Во время пира двое аймацов утащили чучело в пещеру, выбросили из него всю набивку, залезли сами в шкуру и кое-как ее зашили, – получился страшный живой буррия.

С диким ревом выпрыгнули они из пещеры на середину площадки к ужасу детей, думавших, что зверь ожил. Женщины тоже испугались и визжали не меньше детей; мужчины бросились на чудовище с оружием; поднялся адский шум.

Руламан с хохотом вскочил на зверя, и оба они покатались на землю. Мальчик крепко держал за шкуру старавшегося вырваться льва. Тогда все стали осыпать шутками и насмешками бессильное страшилище. Сконфуженный лев поднялся и с позором убежал в пещеру.

Не успели пирующие успокоиться, как из пещеры выскочил убитый накануне медведь, а за ним снова буррия. Между ними завязалась борьба. После нескольких отчаянных схваток оба зверя упали на землю, и при общем смехе аймацы вылезли из шкур.

Началось торжество другого рода.

Руламан, спасший жизнь отцу, должен был, по решению мужчин, получить копьё в знак возмужалости. Вооруженный с ног до головы вошел мальчик в круг и остановился перед Паррой, державшей в руке копьё, выкрашенное в красную краску и украшенное, как украшались только копья начальников племени. Руламан преклонил колени и получил, после нескольких торжественных слов, сказанных старухой, копьё; стоявшая тут же девочка возложила ему на голову венок из листьев бука.

По очереди подходили к нему мужчины, поздравляя его, и приглашали принять участие в «танце копий», который имели право исполнять только взрослые мужчины.

Репо, как убийца буррии, получивший от Руля два страшных клыка зверя, протянул один из них Руламану. Эта была редкая честь, и мальчик чуть не расплакался от счастья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.